

Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

A movie poster for the film 'Sheikh'. It features a man and a woman in a Middle Eastern setting. The man, on the right, is wearing a dark blue or black robe with gold embroidery and a gold sash. He has dark hair and a beard. The woman, on the left, is wearing a white button-down shirt and brown trousers with a brown belt. She has long brown hair and is holding a dark rope. In the background, there is a dark horse behind a metal fence, palm trees, and a castle or fortress illuminated at night. The title 'ШЕЙХ.' is written in large, gold, serif letters with a crescent moon and star above the 'Х'.

ШЕЙХ.

УКРОТИТЕЛЬНИЦА
ПО СОБСТВЕННЫМ ПРАВИЛАМ

Евгения Близкая
Ольга Шиллинг
Шейх. Укротительница по
собственным правилам

<https://litres.ru/74554289>

SelfPub; 2026

Аннотация

Диана Северская — лучший тренер по выездке. Контракт с эмиратом Рас-эль-Джабаль обещает сказочные деньги, но на деле её ждут унижения и золотая клетка. Она не привыкла отступать: укрощает самого свирепого жеребца Самума, бросает вызов гарему и матери султана. А сам повелитель Тарик, привыкший повелевать, неожиданно встречает равную. Их страсть — поединок двух сильных характеров. Кто укротит кого? Или они создадут империю вместе?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Шиллинг

Шейх. Укротительница по собственным правилам

Шейх. Укротительница по собственным правилам

Ольга Шиллинг

Евгения Близкая

Глава 1

Тяжелые створки резных дверей захлопнулись за моей спиной с глухим, почти могильным стуком. Звук эхом прокатился по огромной комнате, отражаясь от золоченых сводов и увязая в толстых персидских коврах. Я сбросила с плеча тяжелую дорожную сумку. Она ударилась об пол, нарушив звенящую тишину этой невероятной, удушающей роскоши. На кожаной багажной бирке чернела четкая латинская надпись: *Diana Severskaya. Equestrian Master Trainer*. Диана Алексеевна Северская. Мое имя, выбитое рядом с эмблемой Международной федерации, словно напоминало мне самой, кто я такая посреди этой восточной золотой ловушки.

Воздух здесь был пропитан густым ароматом сандала, розы и чего-то неуловимо древнего. Слишком сладко. Слишком тяжело для легких, привыкших к свежему ветру манежа и терпкому запаху конского пота. Я обвела взглядом свои так называемые «гостевые покои» дворца Каср-эль-Нур, затерянного в глубине пустынного оазиса Вади-эль-Захра. Кровать размером с небольшой аэродром, застеленная шелком цвета перспелой вишни. Массивные кресла, обтянутые кожей. Светильники из кованой бронзы, отбрасывающие на стены причудливые тени. Золотая клетка суверенного эмира Рас-эль-Джабаль. Идеально вычищенная, безупречно обставленная клетка для очень дорогой птички.

Я расправила плечи и поставила сумку поближе к двери. Я приехала сюда работать. Мой международный контракт, подписанный после трех месяцев жестких переговоров, гарантировал мне должность Главного тренера элитного табуна чистокровных арабских скакунов в личной резиденции правителя. Ради этого я пересекла половину земного шара, тряслась в закрытом джипе по раскаленным барханам пустыни и терпела ледяное высокомерие встречавших меня чиновников.

Я уже искала взглядом выход из этих шелков. Усталость от перелета пульсировала в висках, но адреналин гнал вперед. Мне нужно было увидеть конюшни. Почувствовать масштаб работы и понять, почему за этот табун мне предложили такой гонорар.

Я шагнула обратно к дверям, взялась за витую ручку и потянула на себя. Створка подалась тяжело, бесшумно скользя на скрытых петлях. Путь преградили два крест-накрест сложенных древка. Охранники. Высокие, широкоплечие, затянутые в черную боевую форму гвардии эмирата, с каменными лицами и стиснутыми челюстями. Наконечники их алебард тускло блеснули в полумраке коридора.

— Пропустите, — я произнесла это с той металлической ноткой в голосе, которой обычно осаживала строптивых жеребцов на корде. Древки остались скрещенными у моей груди. Словно передо мной стояли две ожившие гранитные статуи. — Мне нужен Управляющий. Немедленно. Один из них

сильнее сжал древко и процедил сквозь зубы на жестком английском: — Приказ султана Тарика. Никто не покидает крыло. Вы отдыхаете под надзором.

Я усмехнулась. Холодная ярость начала медленно сворачиваться в тугую ком где-то под ребрами. Отдыхаю? Под надзором личной гвардии султана Тарика бин Саида аль-Джабаля? Я резко развернулась и пошла через покои к высоким стеклянным дверям, ведущим во внутренний двор. Если парадный вход перекрыт солдатами, я найду другой путь.

Выскользнув в сад, я вдохнула раскаленный, сухой воздух пустыни. Здесь пахло пылью, нагретым камнем и цветущим олеандром. Дорожка из белого мрамора вела к высокой кованой решетке, за которой виднелись пальмы и часть хозяйственных построек. Я ускорила шаг, направляясь к калитке. Заперта. Я дернула ручку — ладонь скользнула по нагретому металлу, замок удержал створку. Магнитный замок мигал ровным, издевательским красным огоньком.

Неподалеку, стоя на коленях у клумбы, пожилой садовник методично подрезал розовые кусты. — Эй! — я подошла к нему вплотную. — Открой ворота. Или дай телефон. Мне нужно связаться с консульством. Он медленно поднял голову. В его выцветших, изрезанных морщинами глазах мелькнул первобытный испуг. Он покачал головой и снова уткнулся в свои ножницы. — Телефон, — с нажимом повторила я, выставив ладонь. Он лишь еще раз испуганно покачал головой и выразительно посмотрел на глухие десятиметровые ка-

менные стены, окружающие сад Вади-эль-Захра. Садовник спрятал руки с ножницами в зелень. Я осталась у запертой калитки, со своим бесполезным требованием на языке.

Я стиснула зубы и направилась обратно в холл. Сквозь стеклянные двери я увидела, как в коридоре у моих покоев появился высокий, сухой мужчина в безупречном европейском костюме-тройке, который сидел на нем как панцирь. Главный управляющий резиденцией — Хамид аль-Фаси. Тот самый чванливый чиновник, что сухо и свысока встретил меня у трапа частного борта.

Я распахнула двери и пошла прямо на него, чеканя шаги каблуками ботинок. — Какого черта здесь происходит, господин аль-Фаси? — мой голос хлестнул по тишине коридора. — Охрана блокирует двери, ворота заперты. Я требую немедленного соблюдения условий международного контракта. Я Главный тренер, а не ваша пленница. Проводите меня на конюшни. Сейчас же.

Хамид аль-Фаси остановился, сложив руки на животе. На его тонких губах заиграла снисходительная, ледяная ухмылка придворного интригана. Он посмотрел на меня сверху вниз, как на досадную песчинку, занесенную бурей во дворец. — Ваш контракт, мисс Северская, — он произнес мою фамилию с нарочитой, ядовитой вежливостью, — предусматривает безусловное соблюдение внутренних регламентов резиденции Каср-эль-Нур. А вековые правила гласят, что доступ к сокровищам эмирата имеют только те, кто доказал

свою абсолютную покорность и пользу. — Я доказала свою квалификацию победами на чемпионатах мира и лицензиями высшей категории! — я шагнула вплотную, глядя ему в переносицу. — Немедленно покажите мне лошадей.

Хамид аль-Фаси медленно, с театральной неторопливостью достал из внутреннего кармана пиджака гербовый лист плотной бумаги. — Пункт 14.2 вашего контракта, Диана Алексеевна, — его голос был негромким, но в нем лязгнуло железо. — До личного подтверждения практической квалификации в суровых условиях оазиса Вад-эль-Захра, нанятый иностранный специалист Диана Северская выполняет обязанности младшего чернорабочего конюшни.

Он протянул мне лист. Я выхватила его, впиваясь глазами в типографские строчки. Мелкий, едва различимый шрифт в примечаниях. Я вспомнила, как перед самой посадкой мне торопливо подсунули последнюю редакцию договора. Чернорабочая. Девочка с лопатой для уборки навоза. Расчетливый плевок в лицо. Меня привезли через полмира, чтобы вручить лопату и посмотреть, как я проглочу унижение. — Вы угрожаете мне пунктом о неустойке? — я скомкала бумагу в кулаке так, что захрустел гербовый картон. — Колоссальной неустойкой, мисс Северская, — любезно осклабился Хамид аль-Фаси. — Суммой с шестью нулями, которую вы не выплатите до конца своих дней. Добро пожаловать в пески Рас-эль-Джабаля.

Кровь обожгла виски, но я заставила легкие сделать мед-

ленный, размеренный вдох. Паника и ярость — оружие проигравших. Я разжала кулак, расправила смятый лист на ладони и посмотрела ему в глаза. — Где мои вещи? — я выговорила каждое слово, заставляя себя выдержать паузу. — Моя профессиональная амуниция. Личные кофры. Хамид слегка прищурился, явно сбитый с толку отсутствием женских слез. — Они сданы на технический склад. Доступ к рабочему инвентарю вам пока не положен по... Я оборвала его взмахом руки. Резко развернувшись на пятках, я зашагала по коридору в сторону хозяйственного блока, планировку которого успела подметить, пока меня вели из внутреннего двора. Хамид аль-Фаси что-то возмущенно выкрикнул мне в спину, требуя остановиться. Я прибавила шаг.

У двустворчатых дверей кладовой дежурили двое слуг в белых тюрбанах. Они дернулись перекрыть проход, испуганно пряча взгляды, но я шла как таран. Жестко выставив локоть, я оттолкнула старшего слугу — тот отлетел к стене, сбив медный кувшин. Я толкнула тяжелые двери ногой. Мои тяжелые кожаные кофры сиротливо стояли в углу среди тюков со старой ветошью. Подхватив сумки за прочные армейские стропы, я поволокла их по мраморному полу назад в покои. Слуги прижались к стенам, освобождая мне путь.

Вернувшись в свою золотую клетку, я обнаружила внутри трех молоденьких служанок в закрытых платьях. Они торопливо потрошили мою дорожную сумку, раскладывая одежду по резным полкам гардероба. — Руки убрали, — отчеканила

я, с глухим стуком бросив кофры на ковер. Девушки замерли, испуганно переглядываясь. Одна из них залепетала на смеси арабского и ломаного французского что-то о приказе господина Хамида проверить багаж на запрещенные вещи. — Я сказала: пошли вон! — мой голос хлестнул под сводами зала, как щелчок бича. — Мои вещи трогать запрещено. В мои покои входить без спроса запрещено. Вон отсюда, живо! Они метнулись в коридор, как испуганные куропатки. Я с силой захлопнула массивную дубовую створку и с металлическим щелчком повернула замок изнутри. Звонящая тишина снова накрыла комнату, но теперь это была моя крепость. Мои правила.

Я опустилась на колени рядом с кофрами, потянула собачки массивных молний. Густой, спасительный запах воощенной кожи, седлового мыла, чистого войлока и металла ударил в ноздри. Запах моей настоящей жизни, выстроенной годами тяжелого труда. Пальцы привычно скользнули по сыромятным ремням, нащупали тяжелую рукоять профессионального хлыста с оплеткой из конского волоса. Спокойствие возвращалось через знакомые вещи. Они хотят сломать меня восточной деспотией и угрозами нищеты? Отлично. Я принимаю бой.

Глава 2

Я приподнялась на локтях и посмотрела на темные ставни. Ночь накрыла Вади-эль-Захра внезапно, словно кто-то погасил гигантский светильник над пустыней. Я лежала поверх шелкового покрывала в рабочей одежде. Ожидание выматывало сильнее десятичасового перелета. Внезапно глухую тишину ночи прорезал далекий, яростный звук. Конское ржание. Свирепый, первобытный рев загнанного зверя, за которым последовал глухой, сотрясающий землю удар копыт о тяжелые дубовые брусья.

Я мгновенно соскользнула с кровати, босиком подошла к балконным дверям и приоткрыла стеклянную створку. Прохладный ночной воздух хлынул в комнату, пахнувший сухой пылью, песком и далеким запахом конюшен.

Внизу, в густой тени пальмового сада, мелькнули силуэты. Люди в темной тактической форме двигались короткими перебежками, слаженными боевыми двойками, бесшумно контролируя сектора. Тактическое подразделение личной безопасности. Стволы были повернуты к внутренним проходам. Они держали круговую оборону вокруг центрального дворцового комплекса. Рев в дальнем конце конюшен повторился — на этот раз в нем отчетливо слышался треск разлетающегося дерева. Там держали зверя, с которым никто не мог совладать.

Ждать утра было бессмысленно. Утром Хамид аль-Фаси приставит ко мне надзирателей и заставит возиться в навозных кучах, перекрыв доступ к информации. Действовать нужно было сейчас, под прикрытием темноты. Я подошла к входной двери, отперла свой замок и мягко потянула ручку. Заперто снаружи. Наглухо.

Я лишь усмехнулась. Подойдя к зеркалу, я вытащила из волос длинную стальную шпильку. Пальцы изогнули кончик под прямым углом — так я поддевала заклинившие защелки в коневозках. Опустившись на колени, я просунула шпильку в зазор у косяка. После нескольких попыток зацепила язычок простой пружинной защелки, которой меня заперли снаружи. Тонкий щелчок. Язычок втянулся, освобождая створку. Я приоткрыла дверь, впуская полоску тусклого коридорного света.

Я надела ботинки и выскользнула наружу, бесшумно притворив за собой дверь. Толстые шерстяные дорожки поглощали любые звуки шагов. Мне была жизненно необходима связь: связаться с моим адвокатом в Женеве, поднять копии исходного договора и запустить процедуру международного арбитража против эмирата Рас-эль-Джабаль.

Достав из кармана защищенный спутниковый коммуникатор, я взглянула на дисплей. Экран был серым. "Поиск сети... Ошибка соединения". Похоже, в резиденции работали глушилки; даже мой запасной канал молчал. Подойдя к стрельчатому окну галереи, я прижала антенну к стеклу. На

секунду индикатор мигнул, выдав слабую полоску. Я лихорадочно вбила пальцами: *"Оазис Вади-эль-Захра. Контракт саботирован, изоляция. Требуй..."* Нажала "Отправить". Индикатор погас. Экран выдал сухой сбой передачи. Канал связи умер окончательно.

Я стиснула зубы, пряча коммуникатор в карман. Если эфир заглушен, оставалась проводная внутренняя линия — стационарный кабель, связывающий резиденцию с узлом правительственной связи. Начать стоило с административного кабинета Управляющего: там я рассчитывала найти внешний телефон.

Двигаясь по памяти вдоль темных коридоров, я вскоре нащупала взглядом массивную дубовую дверь с золоченой табличкой на арабском и английском: *Chief Executive Office — Hamid Al-Fasi*. На косяке тускло светился биометрический сканер отпечатков. Шпилька здесь была бесполезна. Я огляделась по сторонам. В двух шагах от двери находилась открытая терраса, выходящая во внутренний дворик. Выглянув в прохладную темноту, я оценила расстояние: вдоль каменного фасада на уровне второго этажа тянулся широкий декоративный карниз, упирившийся прямо в кованый балкончик кабинета Хамида.

Сбросив тяжелые ботинки, я осталась в одних плотных носках, чтобы пальцы ног чувствовали малейшие неровности песчаника. Перемахнув через перила террасы, я ступила на карниз, прижавшись грудью к нагретой за день камен-

ной кладке. Ветер шевелил пряди волос, внизу темнели кусты колючего дрока, я смотрела на следующий выступ кладки. Шаг за шагом, сохраняя безупречный баланс всадника, я преодолела пятнадцать метров карниза и ухватилась за кованые прутья балкона. Створка окна оказалась приоткрыта на ширину ладони — восточная спесь чиновников сыграла со мной хорошую шутку: они были слишком уверены в недостижимости своих стен.

Бесшумно перевалившись через подоконник, я мягко приземлилась на толстый ковер. Кабинет Хамида пах дорогим табаком, кожей и бумагой. Я метнулась к полированному столу красного дерева. На нем стоял тяжелый проводной телефон закрытой правительственной связи. Схватив трубку, я прижала ее к уху. В мембране царила абсолютная, мертвая тишина. Ни зуммера, ни фона. — Черт бы вас побрал, — прошипела я, опускаясь на колени и заглядывая под стол.

Подсветив пространство экраном коммуникатора, я увидела распределительную коробку на плинтусе. Главный экранированный кабель, уходивший в стену, был срезан. Оба конца лежали под коробкой; оголенная медь блестела в свете экрана. Кабель перерезали инструментом. Кто-то обрубил связь в кабинете Хамида. Свежий блеск меди заставил меня связать это со своим заточением, хотя проверить догадку сейчас было нечем.

Вытащив из кармана складной нож и моток технической изолянты — я всегда носила их после мелких поломок в до-

роге, — я принялась лихорадочно зачищать медные жилы. Пальцы действовали быстро, скручивая разноцветные провода по схеме стандартной витой пары.

Внезапно в коридоре раздался мягкий шорох шагов. Сенсор замка негромко пискнул, озарив щель под дверью изумрудным светом, и массивная створка начала бесшумно распахиваться. Я замерла под столом, затаив дыхание. Сердце глухо колотилось о ребра. Пальцы мертвой хваткой сжали рукоять ножа обратным хватом. Если вошел Хамид — я не сдамся без боя.

В комнату вошел офицер. По тяжелым тактическим берцам и нашивкам на рукаве я сразу поняла: личная гвардия Султана. На нагрудной нашивке, тускло блеснувшей при свете фонаря, я разобрала латинские буквы: *Captain Nadir*. Капитан Надир. Еще по дороге из аэропорта водитель назвал мне имя начальника охраны жилого крыла. Луч его узконаправленного фонаря медленно скользнул по стеллажам, перечеркнул стол и остановился прямо на моих руках, сжимавших нож под полированной столешницей.

Я напрягла мышцы, готовая к отчаянному рывку. Капитан Надир опустил луч в пол. Его лицо под черным беретом оставалось совершенно непроницаемым, глаза цвета темного янтаря задержались на оголенном кабеле. Несколько долгих секунд он смотрел на меня, потом на нож в моей руке. Затем его взгляд сместился к ножке стола, куда случайно откатился круглый моток моей синей изоленды.

Капитан Надир медленно, без единого резкого движения наклонился, поднял изоленку сильной, затянутой в тактическую перчатку рукой. Он аккуратно положил моток на край стола прямо надо мной. Наши взгляды снова встретились в полутьме. Офицер коротко, едва заметно склонил голову. Я застыла, пытаюсь понять этот неожиданный жест. Развернувшись, капитан Надир так же бесшумно вышел из кабинета, мягко притворив за собой тяжелую створку. За дверью удалялись только его шаги. Я все еще сжимала нож, ожидая окрика, и наконец отпустила рукоять.

Я перевела дух, чувствуя, как ледяная струйка пота стекает между лопаток. Офицер Султана видел меня, видел саботаж связи — и сознательно покрыл мою вылазку. Раскол во дворце был глубже, чем казалось.

Времени оставалось в обрез. Я наскоро замотала скрутку изоленкой, прижала трубку к уху — тишина. Значит, одной скрутки оказалось мало. Где еще пропала связь, я отсюда узнать бы не смогла. Снаружи слышались шаги другого патруля — мерная, несогласованная поступь наемников в коридоре. Они приближались к кабинету. Уходить. Я пригнула голову и выскользнула через балконное окно на карниз. Когда в кабинете зажегся свет, я уже прижималась к стене у террасы, укрытая выступом фасада. Добравшись до перил, нащупала оставленные ботинки и прижала их к боку.

Возвращаясь к своему крылу, я скользила по темным галереям, прижимаясь к резным аркам. На повороте к покоям

я едва не сбила с ног служанку — ту самую девушку, что днем разбирала мои вещи. В ее руках была стопка белья. Увидев меня в носках и с ножом на поясе, она побелела и набрала воздуха для крика. — Тихо, — я мгновенно оказалась рядом, мягко прижав ладонь к ее губам. — Ни звука. Сняв с запястья массивный золотой браслет — память о европейских победах, — я вложила его в холодные пальцы девушки. — Это твое. Мне нужен суточный график смены постов вокруг главных конюшен. Сейчас же.

Служанка посмотрела на тяжелое золото, затем в мои глаза. Жажда наживы и женский страх боролись недолго. Судорожно всхлипнув, она вытащила из кармана фартука сложенный вчетверо служебный лист с таблицей дежурств, где рядом с арабскими подписями шли английские обозначения секторов, сунула мне в руку и без оглядки бросилась по коридору. Вернувшись в комнату, я заперла замок и разложила схему под лампой. Крестики постов, временные окна, сектора пересменки. Мой взгляд выхватил главное: пятнадцать минут перед самым рассветом. Окно между сменой внешней охраны и дозором гвардии Надира, когда слепая зона за западной стеной конюшен оставалась абсолютно чистой.

Я откинулась на спинку кресла. До рассвета оставалось три часа. Скоро начнется настоящая битва за право быть здесь хозяйкой. Я мастер, знающий цену своему делу, и сегодня этот оазис узнает, на что способна Диана Северская.

Глава 3

Я смыла ночную усталость прохладным душем и отдернула штору. Утро раскалило Вади-эль-Захра добела за считанные минуты. Я натянула рабочие бриджи, высокие шнурованные ботинки из промасленной кожи и плотную хлопковую рубашку с коротким рукавом. Складной нож лег в правый карман, на пояс привычно пристегнулся тренировочный хлыст. Вооружившись знанием маршрута, я покинула покои. Часовой у входа в крыло пропустил меня: — Господин Хамид ждет вас на конюшне. Я твердым шагом направилась через двор.

Солнце резало глаза, отражаясь от белого известняка. Под высокими каменными сводами главных конюшен стояла долгожданная спасительная тень. Знакомый до дрожи букет запахов: сладковатый дух свежей люцерны, овес, кожа сбруи и чистый конский пот. Широкий проход был вымощен деревянной торцевой шашкой, по обе стороны тянулись просторные денники из темного полированного дуба.

Мне навстречу торопливо вышел старший конюх — седоусый бедуин в синей безрукавке. За его спиной, довольно ухмыляясь, маячил Хамид аль-Фаси. — Госпожа, — конюх протянул мне конец потертого повода. За его плечом понуро стояла старая хромая кобыла в грязном недоуздке, с мутными глазами. — Ваша упряжь. Тележка и лопаты стоят в

дальнем стойле третьего сектора. Я отвела протянутый повод. Мой взгляд был прикован к закрытому сектору в глубине прохода, отделенному массивной кованой решеткой и табличками на трех языках: «*Опасно для жизни. Вход категорически запрещен*». Ниже на отдельной табличке значилось: *Samim*. Там, во тьме дальнего бокса, кто-то огромный тяжело и размеренно бил кованым копытом в дубовый щит. Удар. Глухой треск. Пауза. Словно там билось механическое сердце ярости.

— Уберите клячу, — произнесла я, глядя в дальний сектор. — Мой контракт заключен на работу с элитой эмирата. И я начну с него. Я сделала шаг вперед. Старший конюх испуганно отшатнулся, но двое охранников у ворот элитного блока скрестили стволы штурмовых винтовок, преграждая путь. — Проход закрыт, — рявкнул часовой.

Я подошла вплотную к оружию, задрав подбородок. — Откройте замок, — мой голос гулко разнесся по конюшне. Работавшие конюхи замерли, бросив щетки и скребницы, испуганно наблюдая за чужестранкой. Хамид аль-Фаси неторопливо подошел ближе, скривив губы в брезгливой усмешке: — Вы глухи, мисс Северская? Ваше место — навозные ямы. Ключи от элитного сектора вам не доверят ни сейчас, ни через год.

Я окинула взглядом пожарный щит, висевший на колонне в полуметре от меня. Движение было мгновенным: сорвав со скоб тяжелый стальной лом, я шагнула к массивным воротам

сектора. Просунув закаленный конец лома под массивную кованую дужку навесного замка, я навалилась всем телом, используя рычаг. Металл натужно взвизгнул. Дужка замка натянулась. Я рванула еще раз, вложив всю силу плеч и спины. Конец лома выскочил из-под дужки и с оглушительным звоном ударил по кованой решетке. Я едва удержала его; на прутьях осталась глубокая свежая царапина.

Хамид аль-Фаси побагровел. Он ткнул пальцем в царапину на решетке, и голос его сорвался: — Вы повредили королевское имущество! — выкрикнул он, брызгая слюной. — Это уголовная статья! Ваш контракт будет расторгнут сегодня же, и вы сгниете в окружной тюрьме! Я медленно сунула руку в карман рубашки, достала копию договора с печатью эмирата. Глядя Хамиду прямо в переносицу, я надорвала плотный лист. Один раз. Второй. Затем разорвала его на мелкие клочья и резким взмахом швырнула обрывки прямо в его перекошенное лицо. Белые бумажные хлопья веером осыпали его безупречный шелковый пиджак.

— Мой контракт расторгнут вами в ту секунду, когда мне подсунули лопату, — отчеканила я. — Взять ее! — взвизгнул Хамид, отступая на шаг. — Связать эту сумасшедшую бабу! Оба охранника бросились ко мне, пытаясь заломить руки за спину. Я ушла с траектории рывком, перехватила запястье первого и жестким скручиванием отправила его лицом в тюки соломы. Второй успел сомкнуть тяжелые пальцы на моем плече, занося кулак для удара. Я приготовилась ударить ко-

лением в пах, но в этот миг пространство конюшни содрогнулось от страшного грохота.

Из запертого бокса за решеткой раздался чудовищный, вибрирующий рев. Огромный вороной жеребец — черный гигант Самум, легендарный вожак королевского табуна, взвился на дыбы. Его могучие копыта с пушечным грохотом обрушились на верхний брус бокса за решеткой. Дубовая балка толщиной в ладонь с треском разлетелась в щепки, осыпав нас сквозь прутья дождем острых обломков. Конь захрипел, скаля желтые зубы, его глаза горели диким рубиновым огнем. Он бил передними ногами за решеткой на расстоянии вытянутой руки от солдат, заставляя их захлебнуться собственным криком. Он защищал свою территорию, реагируя на крики и резкие движения у ограждения.

Охранники в панике бросились назад, волоча автоматы по земле. Хамид аль-Фаси, белый как мел, вжался спиной в противоположные ворота, едва дыша. Я медленно повернулась к деннику. Вороной жеребец тяжело вздымал бока, с его черных бархатных губ капала белая пена. Самум. Дикий, непокорный огненный ветер пустыни. Мое сердце забилося в идеальный унисон с его яростным дыханием. Я снова посмотрела на трясущегося Управляющего: — Зовите султана Тарика, — произнесла я ледяным тоном. — Сейчас же.

Хамид нервно сглотнул, вытирая дрожащей рукой мокрый лоб: — Его Величество... не станет разговаривать с иностранной прислугой. Вы никогда его не увидите! — Тогда

этой же ночью я войду в этот денник и возьму Самума сама, — отрезала я. — И если ваши псы встанут у меня на пути — конь растопчет их вместе с вами. Хамид попятился к выходу, истерично выкрикивая приказы: — Двойное оцепление вокруг сектора! Никого не подпускать! Я развернулась и зашагала к себе, сопровождаемая глухим, утробным храпом вороного исполина. Первый контакт состоялся.

Вернувшись в комнату, я наглухо задернула шторы. Я заставила себя сесть и дождалась, пока руки перестанут дрожать. Достав из походного кофра моток прочного яхтенного шнура с кевларовым сердечником, я опустилась на ковер. Пальцы начали быстро и методично вязать узлы веревочного недоуздка по системе Парелли. Мягкая веревка и узлы, передающие движение руки на переносицу. Размер головы Самума я прикинула у решетки, оставив запас для подгонки. Закончив плетение, я проверила прочность каждого узла и положила готовый недоуздок на стол. Оставалось дожидаться ночи.

За окном прошел день, снова стемнело. Когда стрелки часов подошли к четырем утра, я сверилась с добытым графиком: начиналось пятнадцатиминутное окно между дозорами. Выскользнув из покоев, я просочилась по разведанному маршруту во внутренний двор. У парадных ворот элитного сектора действительно дежурили четверо вооруженных наемников Хамида — они курили у входа, держа пальцы на спусковых скобах. Идти через ворота было безумием. Я обо-

гнула конюшню с глухой тыльной стороны. Старая кладка из песчаника изобиловала глубокими выемками. Я закинула прикрепленный к недоуздку длинный конец веревки через плечо. Зажав сам недоуздок в зубах, я начала карабкаться вверх по отвесной стене. Мышцы звенели от предельного напряжения, пальцы цеплялись за острые выступы камня, сдирая кожу. Я упрямо поднималась, пока ладони наконец нащупали парапет крыши.

Подтянувшись, я перевалилась на глиняную черепицу. Осторожно скользя по скату, я нашла верхний вентиляционный фонарь, расположенный точно над открытым манежем-вольером Самума. Задержав дыхание, я аккуратно сдвинула две тяжелые деревянные створки жалюзи. Внизу, в лунном свете, виднелся просторный песчаный загон. Вороной исполин стоял в центре, чутко прядая ушами.

Под фонарем проходила толстая поперечная балка. Я опустилась на нее, села верхом, затем свесилась, удерживая край обеими руками. Теперь до песка оставалось чуть больше метра. Я разжала пальцы и приземлилась на согнутые ноги. Конь мгновенно среагировал на шорох. Самум вскинул голову. Его ноздри раздулись, в темноте хищно блеснули белки глаз. Нарушитель на его суверенной территории. Издав яростный, леденящий кровь храп, вороной жеребец сорвался с места и бросился на меня в карьер.

Полтонны литых мышц неслись вперед, готовые стереть меня в пыль. За долю секунды до удара я ушла вбок низким

перекатом — тяжелые копыта взрезали песок там, где мгновение назад стояли мои ноги. Самум круто развернулся на скакательных суставах, зажимая меня в угол загона. Позади была каменная стена, впереди — оскаленная пасть и налитые яростью глаза. — Стой, — я подняла раскрытую ладонь, глядя прямо в его левый зрачок, говоря низким, грудным тоном. — Тише, Самум. Спокойно.

Жеребец взмыл на свечу, закрывая собой лунный свет. Могучие передние ноги зависли надо мной, готовые обрушиться и раздробить кости. Сердце ударило в горло. Сработал инстинкт мастера: сделав резкий шаг в сторону, из-под нависающих копыт, я хлестнула свернутым недоуздом перед его мордой. Резкий свистящий щелчок сработал как хлыст бича. Конь отдернул голову от свистнувшей перед носом веревки и тяжело рухнул на все четыре копыта, отступив на шаг.

Этой секунды замешательства мне хватило. Метнувшись вперед, я захлестнула петлю узлов Парелли вокруг его морды, затянув узел за ушами. Поняв, что связан, Самум взбесился. Он забился, крутясь волчком, вскидывая голову и пытаясь вырвать повод из моих рук. Меня протащило по песку, колени обожгло болью, я удержала повод обеими руками. Я отклонила корпус назад, используя весь свой вес и создавая рычаг. Узлы шнура мгновенно врезались в болевые точки храпа, осаживая зверя.

Глава 4

Я держала дистанцию, уступала вслед за его рывком и снова собирала повод, направляя его на круг. — Стоять, — мой голос резанул тишину манежа с несокрушимой властью. Самум замер, тяжело роняя пену на песок. Его бока ходили ходуном. Я чуть отпустила натяжение. Он дернулся вбок — я мгновенно восстановила давление. Шаг за шагом, круг за кругом я заставила могучего зверя двигаться вокруг себя по вольту. При каждом верном шаге я ослабляла повод, давая ему выдохнуть. Постепенно он стал поворачивать раньше, чем веревка натягивалась.

Конь остановился. Глубоко, шумно выдохнул горячий воздух мне в ладонь. И медленно опустил тяжелую голову, коснувшись мягкими бархатными губами моего плеча. Я застыла, чувствуя, как дрожат перенапряженные связки. Медленно подняв руку, я зарылась пальцами в его жесткую вороную гриву, ласково поглаживая разгоряченную шею. Зверь был укрощен.

Развернувшись, я повела Самума на легком поводу к широким выходным воротам манежа, готовая встретить караул Хамида. Но едва я протянула руку к кованому засову, из густой тени наблюдательного помоста над загоном послышались размеренные, неторопливые шаги. Тяжелая наружная створка ворот мягко распахнулась, впуская ночную прохла-

ду.

В проеме стоял высокий мужчина в темной традиционной дишдаше, на плечи которой была наброшена тяжелая шерстяная абая с тончайшей золотой вышивкой. Его лицо, выхваченное лунным светом, казалось высеченным из темного базальта: хищный разлет бровей, волевая линия челюсти и темные, горящие глаза абсолютного властителя. Султан Тарик бин Саид аль-Джабаль. Он остановился в двух шагах. Значит, наверху, в темноте помоста, все это время был зритель.

Султан помолчал, оглядывая распахнутый фонарь над нами. Потом медленно опустил руку в складки одеяния, извлек массивный предмет из полированной латуни и небрежным, царственным движением бросил его на песок к моим сапогам. Металл глухо звякнул. Это была тяжелая связка ключей с золотым вензелем правящей династии и обозначением конюшенного блока на широкой бирке. Мастер-ключ от всех денников и служебных помещений конюшен.

Султан Тарик шагнул вперед. Самум за моей спиной лишь тихо всхрипнул и остался у моего плеча. Правитель подошел ко мне вплотную. Его взгляд — пронзительный, обжигающий, в котором смешались темная восточная страсть и мужское восхищение, — скользнул по моим исцарапанным рукам, лицу и замер на моих глазах. Он медленно поднял руку и накрыл мои пальцы, сжимавшие повод Самума. Его ладонь была горячей и шершавой. — Ты доказала свое право, Диа-

на, — произнес он низким, бархатным голосом, от которого по моей коже пробежала волна озноба. — Отныне этот зверь и эти конюшни подчиняются только тебе.

Он развернулся и так же бесшумно растворился в темноте галереи, оставив меня посреди затихшего манежа — с ключами от его империи у ног и с сердцем, бьющимся в предчувствии неизбежной бури.

Я проснулась от того, что солнечные лучи, пробивающиеся сквозь резные деревянные ставни, золотили ворс персидского ковра. Вчерашняя ночь, гулкая тишина конюшни, тяжелый мастер-ключ в моей ладони и обжигающий взгляд султана Тарика казались сном. Но связка ключей с вензелем династии Аль-Джабаль, брошенная на прикроватный столик, тускло поблескивала, подтверждая реальность победы. Моя кровь все еще пела от адреналина, хотя тело гудело после отчаянного поединка воль с вороным гигантом Самумом. Диана Северская одержала первую чистую победу в песках Вади-эль-Захра.

Я едва успела сесть на краю огромной кровати, как тяжелая дубовая дверь спальни бесшумно распахнулась. В комнату птичьей стайкой впорхнули три служанки. В руках они держали невесомые шелковые платья, расшитые золотой нитью, тончайшие шальвары и россыпь каких-то звенящих восточных украшений. — Доброе утро, госпожа Диана, — зашебетала старшая, сгибаясь в глубоком поклоне. — Господин повелитель велел подготовить вас к новому дню. Эти

шелка доставлены из лучших ткацких мастерских Дамаска... Она попыталась накинуть мне на плечи нечто изумрудное, полупрозрачное, пахнущее жасмином и мускусом. Я перехватила ее тонкое запястье в миллиметре от своей кожи. Мягко, но непреклонно. — Нет. Служанки замерли, их подведенные сурьмой глаза испуганно расширились. — Но господин Тарик лично приказал нарядить... — Я Главный тренер элитного табуна, а не наложница из гарема, — мой голос прозвучал сухо и резко, разрезая утреннюю негу дворца Каср-эль-Нур. Я отбросила изумрудный шелк обратно на покрывало. — Уберите это.

Поднявшись, я подошла к своему открытому кофру. Вытащила чистую белую рубашку из плотного хлопка, темно-коричневые бриджи для верховой езды с усиленными коленными леями и краги из толстой, неубиваемой воловьей кожи. Одеваясь, я чувствовала, как с каждой застегнутой пуговицей, с каждым щелчком поясного ремня возвращается моя привычная профессиональная броня. Шелка созданы для того, чтобы в них безвольно нежиться на подушках. Бриджи — чтобы повелевать тысячью лошадиных сил.

Когда я вышла на открытую террасу, где накрывали утреннюю трапезу, солнце над каньоном Рас-эль-Джабаля уже начало припекать. Мраморный стол ломился от экзотических фруктов, теплых пшеничных лепешек, инжира, меда и восточных сладостей. В дальнем углу террасы замер Главный управляющий — Хамид аль-Фаси. Заметив меня в строгой

рабочей одежде, он безгласно скривил тонкие губы и отвернулся, отдавая тихие распоряжения слугам. Он распоряжался завтраком, словно я стояла где-то за пределами террасы. Перед каждым креслом стояла чашка; мое место у края стола оставалось пустым.

Я подошла к столу, ухватила за спинку тяжелого резного кресла и с громким, пронзительным скрипом протаскала его ножки по полированному мрамору, нарушая чинный придворный этикет. — Черный кофе. Без сахара. Живо, — бросила я прямо в спину Хамиду. Хамид аль-Фаси замер, его плечи под шелковым пиджаком натянулись. Он смотрел на слуг, и те застыли с подносами, ожидая знака своего начальника. Хамид продолжал говорить со слугами поверх моего требования. Я постучала ногтем по пустому месту перед собой. Я уже набрала в грудь воздуха, чтобы рявкнуть командным голосом, но вдруг с галереи бесшумно выплыла грузная, величественная фигура. Старший евнух дворца — пожилой седобородый мужчина в расшитом золотой вязью темном халате — приблизился к моему столу. В его сухих пальцах покоился серебряный поднос с крошечной фарфоровой чашкой и медной джезвой. — Кофе нашего повелителя, мисс Северская, — произнес он низким, скрипучим, но исполненным почтения голосом, бережно опуская чашку на мрамор передо мной. — Зерна обжарены лично для султана Тарика на углях дикого саксаула. Наш господин пьет только такой сорт. И он повелел подать первую чашку вам.

Хамид аль-Фаси обернулся и побледнел как полотно. На его щеках заходили желваки. Слуги склонились в полупоклоне. Я сделала неторопливый глоток. Кофе был обжигающе горьким, густым как смола, с благородным привкусом древесного дыма, кардамона и раскаленной пустыни. Вкус абсолютной, непререкаемой мужской власти. Я усмехнулась, бросив ироничный взгляд на застывшего Управляющего, допила обжигающий напиток до дна и твердым шагом направилась во внутренний двор.

Дорожка к конюшням пролежала через густой пальмовый сад. Двое часовых гвардии стояли на карауле у арочных ворот. Заметив мое приближение, они рефлекторно вытянулись во фрунт, а их пальцы судорожно сжались на древках оружия. Один из них задержал взгляд на связке ключей у моего пояса и что-то шепнул напарнику. Весть о ночном приказе уже дошла до караула. Я шла прямо к скрещенным древкам. — Разойтись, — бросила я тоном, исключаящим даже тень сомнения. Короткий, рубленый приказ мастера. Солдаты переглянулись. Секундное колебание, в течение которого решалось, кто в этих стенах обладает реальным авторитетом. И они сломались. Наконечники алебард со звоном опустились к плитам, гвардейцы синхронно шагнули в стороны, освобождая проход. Я прошагала между ними, глядя на темный проем конюшни.

Под высокими арочными сводами конюшен царила привычная утренняя суета. Терпкий запах свежего навоза, на-

гретой люцерны и дегтярного мыла ударил в ноздри, окончательно смывая остатки дворцовой фальши. Я направилась напрямик к изолированному боксу Самума. На массивной кованой двери денника красовался новый замок. Тяжелая вороненая сталь, кодовая панель и резервная замочная скважина под ней. Я остановилась перед ним. Хамид успел сменить замок — или распорядился об этом еще до ночного приказа?

Я медленно обернулась. Старший конюх — седоусый бедуин Карим аль-Бадри, которого молодые конюхи уважительно звали дядей Каримом, стоял поодаль, напряженно сжимая в мозолистых ладонях волосяную щетку. Рядом с его стойкой, на деревянном колышке, висела обычная связка служебных латунных ключей персонала, которыми отпирали денники рядовых кобыл. Карим с тревогой смотрел на меня, ожидая моей вспышки гнева. Мои пальцы нащупали в кармане холодный металл султанского ключа.

Я извлекла из кармана рабочих бриджей тяжелый, сияющий полированной латунью мастер-ключ Султана Тарика с выгравированным гербом Аль-Джабаль. Дядя Карим замер. Его глаза расширились от немого благоговения, щетка едва не выпала из пальцев. Конюхи в проходе прекратили скрести шкуры и вытянули шеи. Я подошла к решетке и вставила массивный ключ в скважину нового замка Хамида. Одно движение кисти — механизм отозвался мягким, сочным щелчком. Карим выдохнул. Я сняла замок, повесила его на

крюк и распахнула дверь.

Вороной гигант Самум, услышав знакомый звук моих шагов, приветственно захрапел из глубины денника. — Здравствуй, зверь, — тихо произнесла я, шагнув в полумрак стойла и положив ладонь на его горячий, шелковистый храп. Жеребец шумно выдохнул мне в ладонь, признавая своего человека.

Я провела рукой по его шее и перевела взгляд на пол денника. Под ногами Самума темнела мокрая солома. Начать придется отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.